Ф.Ф. Фатыхова

Женские праздники и обряды башкир

В празднично-обрядовой культуре башкир сохранились социально обусловленные представления о нормах поведения мужчин и женщин в обществе. В названиях и содержании праздников и обрядов отразились особенности социокультурной деятельности полов. Рассмотрим, какими были основные роли женщин в системе традиционной обрядности.

Отдельные материалы, в той или иной мере затрагивающие эту тему, содержатся в общих исследованиях по семейному и общественному быту башкир, в фольклорных текстах, автором используется также собственный полевой материал.

В соответствии с социальной моделью идеалом для женщины являлись семья и материнство. Отношение к женщине в семье и обществе определялось наличием детей, особенно сыновей.

Положение женщины в семье было разным. Большим почетом и уважением пользовалась старшая женщина. Она была посвящена во все семейные дела, распоряжалась женскими работами. С приходом в дом невестки свекровь освобождалась от работ по хозяйству, их должна была выполнять молодая женщина. В ее обязанность входило приготовление пищи, уборка жилища, уход за скотом, дойка кобылиц и коров, работы по изготовлению тканей и одежды. Во многих районах существовал обычай избегания, по которому невестка должна была закрывать лицо от свекра и других старших мужчин, не могла с ними разговаривать. Прислуживала за столом, но сама не могла принять участия в трапезе. Свободнее чувствовали себя несовершеннолетние дочери.

Несмотря на то, что женщины воспитывались в соответствии с морально-этическими нормами шариата, беспрекословного под-

чинения старшим в семье и мужу, многие исследователи отмечали относительную свободу башкирской женщины. По описанию С.Г. Рыбакова, «семейная жизнь хотя и построена на азиатской основе на безусловном подчинении женщины, но свободна от ... гнета... Мужья не разыгрывают из себя деспотов по отношению к женам и представляют последним известную свободу от обрядностей, не подвергают их телесным побоям за редкими исключениями, не лишают их права самостоятельного заработка»[i]. С.И. Руденко отмечал, что по сравнению с другими мусульманками башкирка была относительно свободной, а пожилые женщины нередко пользовались в башкирских семьях большим влиянием[ii].

Историки объясняют это разными причинами: особенностью кочевого общества, в котором доля участия женщин в повседневном труде превышала трудовой вклад мужчин, приходом жены в дом мужа с большим приданым; слабым проникновением ислама в быт и семью башкир.

Нормы женского поведения воспитывались у девочек с детства. Дочь вместе с матерью принимала участие в родовых и семейных обрядах и праздниках, а достигнув совершеннолетия, сама становилась активной их участницей.

Согласно традиции, молодые девушки весной и летом собирались на лоне природы на массовые молодежные игры *уйын*. В зависимости от места проведения они назывались: «девичьи игры» *кыззар уйыны*, «девичьи горы» *кыззар тауы*, «выход на природу» *хозоргэ сыгыу* [iii]. В каждой деревне было определенное место, предназначенное для девичьих игр, обычно это были склоны гор или берег реки. Девушки водили хороводы, гадали о предстоящем замужестве. В играх под названием «пятничная гора» *йома тау* участвовали и молодые снохи с детьми. Пели, плясали, играли на кубызе, устраивали различные состязания.

Длинными осенними и зимними вечерами девушки собирались на посиделки *кис ултырыу*. Брали с собой шитье или вязанье. Выполняя работы, пели песни, рассказывали сказки, обсуждали деревенские новости. Закончив работу, плясали, веселились. Угощение готовила хозяйка дома.

Когда выпадал снег, устраивали коллективную помощь по заготовке гусей *каз омэһе.* Накануне хозяйка обходила дома и звала женщин и девушек на помощь. Они сообща, с шутками, песнями ощипывали гусей, убирали потроха. Затем, нацепив попарно тушки гусей на коромысло, шли полоскать на реку или родник. Вечером, после завершения работ, участники «помочи» собирались в доме хозяйки на вечернюю трапезу, пели песни, плясали.

Существовали и другие виды женской взаимопомощи: валяние сукна, прядение шерсти, прядение льняной или конопляной нити, которые также по традиции завершались исполнением плясок, песен[iv].

В осенне-зимний период устраивались специальные формы организации досуга молодежи *аулак* («безлюдный дом»), *урнаш* (*урын – «*место», *аш – «*еда»). Эти молодежные сборы могли проводиться в любом доме в отсутствие хозяев. Начало активной поры проведения таких игрищ приходилось на период завершения осенних работ, когда родители, уезжая на зимнюю ярмарку или в гости, оставляли дочь следить за хозяйством. Оставшись одна, она собирала подруг. Если не было возможности уединиться без взрослых, девушки собирались в доме одинокой пожилой женщины.

Участницами аулаков были девушки 14–18, а иногда и 12–13 лет. Девушки приходили, взяв с собой принадлежности рукоделия и продукты. В основном развлекались: играли в жмурки, устраивали шуточные наказания, направленные на сообразительность и раскрытие творческих способностей: предлагалось спеть, станцевать, изобразить различных животных. Девичьи игры в доме аулак у разных групп башкир проходили по-разному. Так, в южных районах республики на аулак собирались только девушки, в северо-западных районах на аулак допускались и парни.

Юноши приходили позже с гармонью и гостинцами (конфетами, семечками, орехами). Девушки поджидали их с приготовленными угощениями из принесенных в складчину продуктов: с блинами, вареной картошкой. Исполнялись сольные и дуэтные танцы, плясовые песни, позволяющие молодежи выразить симпатии друг к другу. Поздно вечером парни расходились по домам.

В литературе есть сведения, что *урнаш* отличался от *аулак* менее строгими запретами, большей свободой нравов[v]. Во время *урнаш* нередко игры продолжались всю ночь и молодежь, достигшая брачного возраста, оставалась в доме ночевать. Спать ложились все вместе, иногда разбиваясь на пары. Всю ночь рассказывали различные истории, шутили. Групповое поведение в свободном доме должно было оставаться тайной для односельчан, поэтому юноши спешили уйти затемно. Чуть позже, наведя порядок, расходились и девушки. Несмотря на кажущуюся свободу поведения молодежь лишь условно «проигрывала» взрослую семейную жизнь, а реально только присматривала будущего мужа или жену. Если у незамужней девушки рождался ребенок, его называли «родившийся во время игры» *уйнаштан тыуган*, то есть незаконнорожденный, это считалось очень большим позором для девушки и всей ее семьи.

Женские обряды свадебного цикла знаменовали постепенное изменение статуса молодой, ее переход в разряд замужних женщин.

После совершения мусульманского обряда бракосочетания *никах* накануне переезда к жениху совершался обряд «борьбы за девичий головной убор такыя» *такыяга болашыу/такыяга толашыу*. Обряд описан в стихотворном рассказе М. Уметбаева, написанном в конце XIX в. Замужние женщины вместе с невестой шьют головной убор замужней женщины *кашмау*. Невеста должна будет сменить девичью шапочку *такыя* на женский головной убор *кашмау*. Посмотреть на это собираются девушки, парни, родня невесты. Женщины хотят отнять у девушек их головной убор, а те не отдают. После упорной борьбы, согласно обычаю, женщины все же отбирают у девушек такыю, знаменуя тем самым свою победу[vi].

В некоторых местах существовал обычай «благословления кашмау» *кашмау котлау*, когда девушка или молодая женщина собирала на угощение пожилых женщин, чтобы завершить оформление головного убора. Приглашенные срезали со своих украшений монеты и дарили их с благопожеланиями. Часть монет переносилась на кашмау с девичьего накосника. Однако со свадьбой у башкир не была связана полная смена головного убо-

ра. Соблюдался строго лишь один обычай – не показывать волосы и шею. На невесту набрасывали платок, шаль или покрывало. Вместе с платком или покрывалом молодая женщина до рождения одного-двух детей продолжала носить «девичьи» головные уборы[vii].

В отдельных районах Башкортостана существовал обычай, согласно которому невесту в дом жениха вводила одна из женщин по выбору его родителей. Проводив невесту в женскую половину дома, она развязывала *бил*, пояс на ее талии и этим поясом перетягивали талию сестры или племянницы жениха, после чего эта женщина становилась для невесты «посаженой матерью» *инэ, морондок инэ*, а девушка – «сестрой» *һылыу, бил кэйһендеһе*. С этих пор *инэ* и *һылыу* становились самыми близкими людьми для молодой женщины в деревне мужа. Она могла поделиться с ними радостью и горем, а в случае необходимости передать через них просьбы к родителям мужа[viii].

Обряд «показа источника воды» *һыуга башлау, һыу күрһәтеу*, проводившийся в ауле жениха, приобщал молодую к новому месту. Вода считалась источником жизни. В диалектах башкирского языка повитуху называли «матерью воды» *һыу инәһе*, подчеркивая тем самым связь рождения человека и воды. Обряд показа источника воды был одновременно и испытанием невестки и жертвоприношением духу-хозяину воды.

Б. Юлуев приводит следующее описание обряда: «На другой день молодую ведут на реку за водой с коромыслом (куянта); она при этом несет с собой маленькую серебряную монету, привязанную к нитке, и бросает в воду, как бы в виде жертвы водяному духу; эту монету ребятишки достают из воды при шуме и драке»[ix].

Молодую к реке вели золовка и ее подруги. Золовка несла коромысло с ведрами, она же черпала воду из источника. У источника невестка раздавала подарки: мыло, нитки, платочки, колечки и т.д. Коромысло с полными ведрами невестка должна была положить на правое плечо, а девушки говорили ей пожелания «Будь на ноги легка, а на счастье удачлива!» Возвращаясь, молодая несла воду сама, ступая плавно, чтобы не пролить ни капли.

Ко времени показа источника воды женщин деревни приглашали на чай. Перед этим вещи молодой вывешивали на общее обозрение, пришедших угощали чаем и раздавали им подарки: нагрудники, платки, нитки, куски ткани. Этот обряд назывался «подарки невесты» *килен булэге, курнеш.* С этого времени молодая женщина начинала выполнять все работы по дому.

После рождения ребенка к молодой матери с поздравлениями приходили родственницы и соседки, каждая приносила что-то из съедобного: масло, хлеб, сахар и пр. Если рождался мальчик, они дарили родильнице кисеты *янсык* или лоскуты материи, если же девочка – нагрудные повязки *тушелдерек*[x].

Женское празднество проведывания роженицы называлось «праздником ребенка» *бэпэй туйы*, «чаем ребенка» *бэпэй сэйе*, «кашей ребенка» *бэпэй буткаһы*, «чаем ниток» *йеп сэйе*, «чаем пуповины» *кендек сэйе*. После трапезы родильница раздавала женщинам заранее приготовленные ею «нитки ребенка» *бэпэй йебе.* Мотки ниток белого цвета, в 10, 33 или 40 сложений символизировали долголетие ребенка. Перед уходом женщины произносили благопожелания ребенку.

Навестить родильницу считалось богоугодным делом. Любая женщина, проходя мимо дома родильницы, должна была хотя бы взглянуть на крышу ее дома или дым, выходящий из трубы, считалось что тогда у нее уменьшатся грехи. Если мать не могла прийти сама, она отправляла своих детей с гостинцами для родильницы. Родильница дарила детишкам заранее приготовленные «подарки ребенка» *бэпес булэге*: девочкам – маленькие нагрудники, колечки, пуговицы, мальчикам – тесемки для воротника рубашки.

По древним народным представлениям обряды, осуществлявшиеся женщинами, были призваны способствовать усилению продуцирующих сил природы. Активной группой в женских весенних обрядах были и дети до 12–13 лет. В башкирском фольклоре есть сведения, что перед проведением женского празднества *каргатуй* распорядительница праздника и дети подходили к воротам и исполняли стихи, призывающие на праздник, подражая в куплетах птичьим голосам: *Кар, кар! Каргатуйга бар, бар!* («Кар,

кар! Иди на каргатуй!»)[xi].

Каргатуй (карга – грач, *туй* – праздник) в прошлом был одним из первых крупных женских весенних праздников. В празднике принимали участие женщины всех возрастов вместе с малолетними детьми.

Старшая из женщин являлась распорядительницей на этом празднике, она была одета в бутафорский старинный костюм и высокую шапку на берестяном каркасе, украшенную ракушками[xii]. Праздник справлялся в центральных, горных районах Башкортостана и в восточном Зауралье по случаю пробуждения природы; появление птиц извещало, что наступило время весны.

Торжество устраивалось в определенный день в период с конца апреля до середины июня. В этот день женщины выходили на поляну за деревней или поднимались на ближайшую гору. К месту проведения праздника несли самовары, чай, сахар, хлеб, крупу, собранные по домам накануне. На юге Башкирии украшали кусты и деревья: на ветки деревьев вешали разноцветные ленты, платки, бусы, серебряные монеты, кольца, браслеты. Вокруг украшенного дерева женщины, взявшись за руки, ходили, произнося благопожелания. В Челябинской области деревья в день празднеств украшали цветами, а стоящие рядом березки соединяли яркими шалями. Под деревьями расстилали скатерти и угощались особым ритуальным кушаньем из муки, сваренной в сметане. Ритуальным блюдом на празднествах была также пшенная или пшеничная каша.

Пока в котле варилась каша, молодые водили хороводы, играли в мяч, прыгали через препятствия и бегали взапуски. В беге принимали участие девушки и молодые женщины, еще не рожавшие детей.

На празднестве исполнялись подвижные игры (бег наперегонки, прятки, прыжки через яму), пляски, в них участвовали женщины молодого и среднего возрастов. Любимым развлечением на празднестве были качели. Активность на празднике поощрялась, была не только желательной, но и обязательной. В каждом женском хороводе были зачинщицы, они не давали затухнуть веселью. В ходе праздника обычно три раза исполнялся клич (*һорэн*):

созывая женщин на совместную трапезу; для угощения птиц и когда следовало идти домой. Несколько женщин, по сигналу распорядительницы празднества, призывали:

А-ха-ха-ха-ха-хай!
А-ха-ха-хыу!
Собирайтесь! Каша сварилась!

Участие в празднике считалось благотворным. К природе и птицам обращались с просьбами изобилия и благополучия[xiii]. После совместной трапезы кашу раскладывали по веткам деревьев, пням или на камнях, угощая птиц. Если каргатуй проводился на горе, на вершине горы оставляли монетки, лоскутки ткани, еду для духа-хозяина горы.

Кушанье из злаков (ячменя, пшена, пшеницы) в весенне-летних обрядах играло исключительно важную роль, вследствие чего название праздника «туй» иногда заменялось словом «каша» *бутка*. Так, на юге и западе Башкирии празднество, аналогичное каргатую, называлось «грачиная каша» *карга буткаһы*.[xiv] Основные продукты праздничных трапез (крупа, яйца) помимо утилитарного назначения, являлись также и символами плодородия.

Если рассматривать обряды в магико-семантическом контексте, можно заметить, что женские функции знаково ассоциировались с вынашиванием плода, и праздники ранней весны – *каргатуй, карга буткаһы* можно соотнести с праздниками в честь раннего детства ребенка *бэпэй туйы, бэпэй буткаһы*.

У западных башкир *карга буткаһы* сохранился как детский обряд. Толпа мальчиков ходила по домам и, выкрикивая: « *Ярма, ярма, ярма* (крупа)!», собирала крупу, яйца, масло. Дети, собрав продукты, шли к реке и варили кашу[xv].

На западе Башкирии после совместного угощения кашей жители села обливались водой. Там празднество *карга буткаһы* слилось с обрядом «дождевая каша» *ямгыр буткаһы*. Ритуал вызывания дождя чаще был связан с женщиной. По свидетельству И.И. Лепехина, наблюдавшего празднество каргатуй у катайцев (восточная Башкирия), основной целью праздника было вызывание дождя[xvi].

Следующий проводимый вслед за каргатуем женский празд-

ник «кукушкин чай» (*кэкук сэйе*) знаменовал наступление лета. На горе или у реки женщины, загадав о своей судьбе или судьбе своих близких, обращались к кукушке. Загаданное вслух не произносилось. Радовались, если птица куковала звонко и без перерыва. В течение дня не смолкали песни, игра на кубызе, исполнялись пляски, игры. Женщины раскладывали пищу на листьях, камнях, приговаривая: «Вот тебе, кукушка, возьми свою долю пищи»[xvii].

Без участия женщин не обходились и массовые общественные праздники *һабантуй* – «праздник плуга», *йыйын* – «сбор, собрание», *майзан* – «площадь», *бэйге* – «скачки», но на них главными действующими лицами были мужчины, основные состязания празднеств устраивались в мужском кругу. Женщины в основном выступали в роли зрительниц или соревновались между собой в умении петь, плясать, играть на музыкальных инструментах, а также участвовали в приготовлении праздничного угощения. Имеются только редкие сведения о том, что устраивались скачки с участием девушек [xviii].

Подытоживая, можно сказать, что в традиционной обрядности башкир четко выделяются гендерно окрашенные праздники и обряды. Все, что в народном сознании считалось прерогативой женщины, отразилось в номинативной лексике башкирского языка. Названия женских праздников и обрядов связаны с наименованиями птиц, гор, воды, растительности, в них отразилась неразрывная связь женского и природного начал.

---

[i] *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897. С. 32.

[ii] *Руденко С.И.* Башкиры: Опыт этнологической монографии. М.; Л., 1955. С. 268.

[iii] Башкирское народное творчество. Т. II. (на башк. яз.) Уфа, 1997. С. 97, 367.

[iv] *Нагаева Л.И.* Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа, 1999. С. 89–90.

[v] *Бикбулатов Н.В.* Башкирский аул. Уфа, 1969. С. 69.

[vi] *Уметбаев М.* Ядкар (на башк. яз). Уфа, 1984. С. 43–47.

[vii] *Шитова С.Н.* Башкирская народная одежда. Уфа, 1995. С. 181.

[viii] *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М., 1991. С. 76.

[ix] *Юлуев Б.М.* К этнографии башкир: (Свадебные обряды в Орском уезде Оренбургской губернии) // ЭО. 1892. № 2. С. 222.

[x] *Руденко С.И.* Башкиры... С. 270.

[xi] Башкирское народное творчество: Обрядовый фольклор. Т. I. (на башк. яз). Уфа, 1995. С.197.

[xii] *Руденко С.И.* Башкиры... С. 277–278.

[xiii] *Нагаева Л.И.* Весенне-летние празднества и обряды башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 59–60.

[xiv] *Руденко С.И.* Башкиры... С. 277.

[xv] *Руденко С.И.* Башкиры... С. 278.

[xvi] *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1772 гг. СПб., 1802. Ч. 2. С. 62.

[xvii] *Нагаева Л.И.* Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. С. 62.

[xviii] Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. Уфа, 1987. С. 444–445, 516.